

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/litzhur/2026.72.04

А.М. Ранчин

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ – АВТОР «ЛЕТОПИСНЫХ» ПАРЕМИЙ БОРИСУ И ГЛЕБУ? ПОЛЕМИЧЕСКАЯ РЕПЛИКА

Аннотация. В статье рассматривается атрибуция знаменитому книжнику Кириллу Туровскому так называемых летописных, или небиблейских чтений Борису и Глебу – уникального памятника древнерусской словесности. Эта гипотеза об авторстве была выдвинута недавно историком С.Ю. Темчиным. Атрибуция основывается прежде всего на присутствии в паремийных чтениях и в проповеди Кирилла Туровского на день памяти Отцов Никейского собора редкого словосочетания *безглавный / безглавный звѣрь*. (В паремийных чтениях эта метафора применена к Святополку Окаянному, а в проповеди туровского епископа – к ересиарху Арию.) Эпитет *безглавный* С.Ю. Темчин считает производным от диалектной лексемы, зафиксированной в окрестностях Турова и неизвестной в других восточнославянских местностях. В паремийных чтениях исследователь находит связь с Туровом – отсылку к биографии Кирилла, припоминание о туровском княжении Святополка – и полагает, что возникновение паремий объясняется почитанием Бориса и Глеба в этом городе. Признать предположение о Кирилле Туровском как об авторе паремийных чтений невозможно. Атрибуция на основании совпадения одного выражения не может быть состоятельной, лексема *безглавный* встречается довольно часто в памятниках переводной древнерусской книжности, «туровский» след в паремийных чтениях на самом деле не обнаруживается. Предложенная С.Ю. Темчиным датировка паремийных чтений второй половиной XII в. – временем, когда творил Кирилл, – не опирается на исторические факты.

Ключевые слова: «летописные» паремии Борису и Глебу; Кирилл Туровский; атрибуция; датировка; раритетная лексика.

Получено: 15.11.2025

Принято к печати: 20.12.2025

Информация об авторе: Ранчин Андрей Михайлович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. Кирилл Туровский – автор «летописных» паремий Борису и Глебу? Полемиическая реплика // Литературоведческий журнал. 2026. № 2(72). С. 62–77.

DOI: 10.31249/litzhur/2026.72.04

Andrei M. Ranchin

KIRILL OF TUROV – THE AUTHOR OF THE “CHRONICLE” PAROEMIA READINGS TO BORIS AND GLEB? A POLEMICAL REJOINDER

Abstract. The article examines the attribution of the so-called chronicle, or non-biblical, paroemia readings to Boris and Gleb – a unique monument of Old Russian literature – to the renowned scribe Kirill of Turov. This authorship hypothesis was recently advanced by historian S. Yu. Temchin. The attribution is based primarily on the presence of the rare phrase “headless beast” in the paroemia readings and in Kirill of Turov’s sermon on the feast day of the Fathers of the Council of Nicaea. (In the paroemia readings, this metaphor is applied to Svyatopolk the Accursed, and in the sermon of the Bishop of Turov, to the heresiarch Arius.) S. Yu. Temchin believes the epithet “headless” is derived from a dialectal lexeme recorded in the vicinity of Turov and unknown in other East Slavic areas. In the paroemia readings, the researcher finds a connection to Turov – a reference to Kirill’s biography, a recollection of Svyatopolk’s reign in Turov – and suggests that the origin of the paroemias can be explained by the veneration of Boris and Gleb in that city. It is impossible to accept the hypothesis that Kirill of Turov is the author of the paroemia readings. An attribution based on the coincidence of a single expression cannot be valid; the lexeme “headless” is quite common in translated Old Russian literature, and no trace of “Turov” is actually found in the paroemia readings. S. Yu. Temchin’s dating of the paroemia readings to the second half of the 12th century – the period when Kirill was active – is not based on historical facts.

Keywords: “chronicle” paroemias to Boris and Gleb; Kirill of Turov; attribution; rare vocabulary; dating.

Received: 15.11.2025

Accepted: 20.12.2025

Information about the author: *Andrei M. Ranchin*, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. “Kirill of Turov – the Author of the ‘Chronicle’ Paroemia Readings to Boris and Gleb? A polemical rejoinder”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(72), 2026, pp. 62–77. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2026.72.04

В статье, посвященной интерпретации так называемых небиблейских, или летописных, паремийных чтений Борису и Глебу – уникального памятника древнерусской словесности¹, я обратил внимание на совпадение в этом тексте и в одной из проповедей знаменитого книжника XII века Кирилла Туровского редкого выражения *безглавный звѣрь* [12, с. 85], где эпитет *безглавный* означает ‘безрассудный, лишенный разума’ [16, вып. 1, с. 100]. Я утверждал, что сочинение туровского епископа, составленное во второй половине XII века, вторично по отношению к паремиям, которые традиционно датируются более ранним временем. Приведу соответствующий фрагмент из проповеди Кирилла Туровского под названием «Кюрила грѣшнаго инока слово на сбор святых отецъ 300 и 18 от святых книг указание о Христѣ сынѣ божии, и похвала отцем святаго Никѣйскаго събора в недѣлю прежде пятнокоствия»: «к нему же (к ересиарху Арию. – *А. Р.*) възгласивше святии наши рекоша отци: слыши, Арию, безглавный звѣрю, нечистый душе, оканьный челоуѣче, новый Каине...» [2, с. 345, л. 8 об.]. Я заметил, что выражение *безглавный звѣрю* в проповеди является вероятным заимствованием из небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу, «о чем свидетельствует точно воспроизведенное выражение “безглавный звѣрю”. Эпитет “оканьный” в словосочетании “оканьный челоуѣче” и словосочетание “новый Каине” не имеют точных соответствий в паремийных чтениях, но

¹ См. об этом произведении прежде всего: [20] (здесь же указана основная литература). Более поздние исследования памятника перечислены в статье С.Ю. Темчина [19].

восходят к устойчивым именованиям Святополка в других памятниках Борисоглебского цикла» [12, с. 85]².

Недавно С.Ю. Темчин, признавший неслучайным и показательным указанное мной совпадение выражения *безглавный звѣрь* в паремиях и в проповеди туровского епископа, охарактеризовал связь между двумя памятниками противоположным образом: «Эта интерпретация неверна: она предполагает ретроспективный перенос редкого словосочетания со Святополка на Ария, тогда как подобные переносы бывают лишь проспективными.

Поскольку история мыслится как постепенное раскрытие божественного замысла, более ранние явления признаются прообразами будущего – иногда прикровенными, но непременно имеющими важное гносеологическое значение. Потому в христианской книжности новые явления и исторические лица называются именами старых: Константинополь – Новым Римом или Новым Иерусалимом; Владимир Святославич – Новым Константином и т.п. Обратное же невозможно, поскольку прообраз не может называться по последующему аналогичному явлению: Рим не называется **Ветхим Константинополем*, а Константин Великий – **Ветхим Владимиром*. Поэтому словесное уподобление Ария Святополку невероятно» [19, с. 244–245].

С этой трактовкой согласиться нельзя. Действительно, в христианской книжности невозможно обозначение более ранних объектов и лиц именами более поздних предметов и лиц, с которыми проводится аналогия: более ранние выступают в роли прообразов для позднейших. Однако этот аргумент отнюдь не опровергает возможность заимствования выражения *безглавный звѣрь* Кириллом Туровским из паремийных чтений. Идея С.Ю. Темчина была бы верна, если бы я утверждал, что в проповеди это выражение, употребленное применительно к Арию, означало *‘новый / второй Святополк’*. Не случайно я пишу именно о заимствовании, т.е. о нефункциональном вкраплении фрагмента из паремий в произведение проповедника, а не о реминисценции –

²Так, в Сказании о Борисе и Глебе постоянно проводится параллель между Святополком и первым братоубийцей, содержится именование русского князя как «вѣторааго Каина» [3, с. 32, л. 10 в], уподобление Святополка Каину содержится во вступлении к Чтению о Борисе и Глебе (см. о нем в этом житии: [20, с. 33–34]) и в службах святым, а также в рассказе Повести временных лет под 6527 (1019) годом.

не о цитате и не об аллюзии. На материале литературы Нового времени это разграничение цитаты и аллюзии проводится достаточно определенным образом³; в случае с древнерусской словесностью, принадлежащей к так называемой открытой традиции⁴, такая процедура оказывается более сложной, а нередко и проблематичной. Однако само по себе совпадение редких лексем или целых словосочетаний, способное указывать на связь между соответствующими текстами, еще не означает, что книжник, заимствуя слово либо выражение, тем самым отсылал читателей к этому источнику и проводил параллель между предметами, которые этим выражением описывались в тексте-источнике и в тексте-доноре. В случае с Кириллом Туровским можно предположить, что его внимание просто привлекло выразительное словосочетание, обе лексемы в котором – и *безглавный*, и *звѣрь* – содержали сильные пейоративные коннотации.

Стоит учитывать, что раритетным в древнерусской словесности было только само выражение *безглавный звѣрь*, но вовсе не составляющие его лексемы. Слово *безглавный* в значении ‘безрассудный, лишенный разума’ довольно часто встречается в памятниках переводной книжности, преимущественно, но не обязательно оно употребляется применительно к еретикам⁵. Именование великого грешника *зверем* было еще более распространенным, восходило оно к описанию антихриста (ср. Откр. 13: 15, 18). Приведенные мною соображения не содержали утверждения, что Кирилл Туровский, называя Ария *безглавным звѣрем*, тем самым именовал его ‘ветхим Святополком’.

Не только одно и то же выражение, но даже одна лексема может выполнять в тексте функцию реминисценции, отсылая к претексту, в котором имеется такое же словосочетание или слово. Интересный пример такого рода был приведен в более ранней работе С.Ю. Темчина [18]. Это считавшееся гапаксом слово *сырорѣзание* из Сказания о Борисе и Глебе, которым юный князь называет свое готовящееся убийство: «се нѣсть убиство, но сырорѣзание» [3, с. 41, л. 14а–14б]. Ученый обнаружил эту же лексему в переведенной в Болгарии с греческого гомилии на день

³ Ср. о разграничении цитаты и заимствования: [5, с. 53; 4; 14, с. 31–32, примеч. 31].

⁴ См.: [6, р. 167–168, 172]. См. в этой связи также: [10].

⁵ См. примеры: [12, с. 84–85].

памяти Вифлеемских младенцев. В житии Бориса и Глеба это слово, очевидно, действительно функционирует как отсылка к переводной проповеди. Однако только потому, что этому способствуют два немаловажных обстоятельства: во-первых, слово *сырорѣзание* – крайне редкое, в то время как взятые по отдельности *безглавный* и *звѣрь* – нет; во-вторых, невинноубиенные младенцы и полуребенок Глеб, трогательно молящий посланцев Святополка пощадить его («Не пожнете мене отъ жития не съзьрѣла, не пожнѣте класа, не уже съзьрѣвша, нъ млеко безълобѣя носяща. Не порѣжете лозы, не до коньца въздрастьша, а плодъ имуща. <...> Азь, братие, и зълѣбиемъ и въздастьмъ еще младенствую» [3, с. 41, л. 14 а]), схожи намного больше, чем Святополк и Арий. Вифлеемские младенцы могут быть названы прообразами Глеба⁶, а Святополк прообразом Ария, конечно, не является.

Но вернемся к объяснению С.Ю. Темчиным наличия выражения *безглавный звѣрь* и в паремиях Борису и Глебу, и в проповеди туровского епископа. Главное, что представляется спорным и недоказанным, – не суждение о невозможности заимствования Кириллом словосочетания из паремийных чтений, а предложенная ученым атрибуция этих чтений. Невозможность заимствования – лишь одно, и не главное, из оснований для весьма эффектной, но и не менее рискованной атрибуции «летописных» паремий туровскому епископу.

С.Ю. Темчин связывает происхождение эпитета *безглавный* в паремиях и в Кирилловой проповеди с диалектом, распространенным в окрестностях Турова: «В выражении *безглавный зверь* прилагательное продолжает прасл. **bezgolъnъ (jъ)* <...> но отличается от его рефлексов в иных языках метафорическим значением ‘безумный, безрассудный’, которое, однако, вполне обычно для более архаичного по структуре суффиксального образования **bezgolъ (jъ)*. Схожее переносное значение есть у белор. диал. *безгалоўны* ‘не кампетэнтны, не здатны да разумення’ <...> уникальное не только в восточнославянском, но даже в белорусском контексте <...>. Оно зафиксировано лишь под Мозырем, в восточнополюсских говорах, охватывающих также Туров» [19, с. 245]. Развивая эту мысль, он замечает: «Если даже семантика прилага-

⁶ Впрочем, с идеей С.Ю. Темчина, что Вифлеемские младенцы стали едва ли не основным образцом при формировании почитания Бориса и Глеба, я согласиться не могу; ср. мою критику: [11, с. 165–166].

тельного *безглавный* оказывается узколокальной, то тем более уникально необычное словосочетание *безглавный зверь*, которое следует признать авторским выражением Кирилла Туровского. Примечательно, что оно употреблено в “Слове Никейским отцам”, тематически совпадающем с исходным библейским инципитом второй исторической паремьи Борису и Глебу.

Кирилл связан с Туровом, где некогда находился удел Святополка (с его активными западными связями), а епископы в XII в. жили в Борисоглебском монастыре. Этого достаточно для заинтересованности в борисоглебской тематике. Кроме того, исходный библейский инципит третьей исторической паремьи Ис. 62.6 «На стенах твоих...» тематически связан со столпничеством (потому позже чтение Ис. 62.6–12 было положено столпнику Никите Переславскому, 24 мая), тогда как Кирилл одно время сам стоял на столпе. Исторические паремьи Борису и Глебу следует считать творением Кирилла Туровского второй половины XII в. (ср. датировки А.И. Соболевского и Д.И. Абрамовича), возможно, одним из наиболее ранних» [19, с. 245].

Разберем эти доказательства. Лингвистический аргумент о существовании в белорусских говорах слова *безгалоўны* был бы сильным, если бы лексема *безглавный* была бы известна в древнерусской письменности только в составе летописных паремий и в проповеди туровского епископа: в таком случае были бы некоторые основания полагать, что слово заимствовано из белорусских говоров Туровской земли. Однако, как уже было сказано, эпитет *безглавный* встречается довольно часто в древнерусской переводной книжности. Тематическое совпадение Кирилловой проповеди и второй паремии ограничивается мотивом верности праведных Богу, приверженности истинной вере. Княжение Святополка в Турове⁷, как и существование в Турове Борисоглебского монастыря, не доказывают ничего: Святополк позднее княжил в Киеве и был тесно связан с Вышгородом, причем в третьей «летописной» паремии Вышгороду, как месту погребения страстотерпцев, возносится отдельная хвала: «Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде, устроишь стража вся дѣни и вся ноци, иже не уснѣта, ни въздрѣмлет»,

⁷ Впрочем, о его возведении Владимиром Святославичем на туровский престол сообщает только Повесть временных лет [9, I–I, стб. 121, л. 42] (текст по Лаврентьевскому списку). Сказание о Борисе и Глебе называет не Туров, а Пинск, расположенный, однако, не столь далеко от Турова [3, с. 28, л. 8 г].

храняща и утвержающа отчину свою, Русьскую землю, отъ супостатныхъ поганъ и отъ усьбьныя рати, правдьными бо и по смъртн живъ есть» [3, с. 118, л. 258]. Борисоглебский монастырь имелся не только в Турове⁸: с 1130-х годов, например, известен Борисоглебский монастырь на Смядыни – месте убийства младшего из братьев⁹. В инципите третьего паремийного чтения цитата из Ис. 62: 6 отнесена к Вышгороду (см. ее выше) и никакого отношения к столпничеству Кирилла не имеет. *Стены* здесь – метонимическое обозначение Вышгорода, находящегося под защитой Господа. «Он представлен Сионом – естественной и мистической высотой, или Новым Иерусалимом <...> Вышеград (так! – А. Р.) воспринимается автором как подобие древнего Сиона» [8, с. 442]. Позднейшее применение этой реминисценции из Писания к столпнику Никите Переяславскому аргументом быть не может. Д.И. Абрамович¹⁰, А.Н. Насонов¹¹ и Н.И. Милютенко¹² полагают, что прославление Вышгорода в «летописных» паремиях Борису и Глебу свидетельствует о составлении памятника именно в этом месте. (С.Ю. Темчин об этом предпочитает не упоминать.) Впрочем, это утверждение нельзя признать бесспорным: центр почитания Бориса и Глеба, где хранились их мощи, мог прославить и книжник из другого города, например из близко расположенного Киева¹³.

Но главное не это. Совпадение отдельных лексем или выражений в двух или нескольких текстах не может само по себе доказывать их принадлежности одному составителю. Приведу свои соображения, высказанные ранее по поводу другой атрибуции: «...в действительности такие совпадения, даже если речь идет о раритетной лексике, могут интерпретироваться по-разному, трояко.

⁸ В качестве не учтенного С.Ю. Темчиным аргумента в пользу туровского происхождения «летописных» паремий можно было бы упомянуть «Слово о Мартинѣ мнисеѣ, иже бѣ в Туровѣ у церкви святую мученику, единъ живый о Бозѣ» [3, с. 199]. Чудесно исцеленный Борисом и Глебом монах жил «въ манастири у святою мученику». Однако на самом деле этот памятник доказывает лишь существование в Турове почитания Бориса и Глеба и ничего более.

⁹ Впервые монастырь упомянут в Новгородской Первой летописи под 6646 (1138) годом; см.: [9, III, с. 26, л. 20] (текст старшего извода).

¹⁰ См.: [3, с. XIX].

¹¹ См.: [7, с. 47].

¹² См.: [15, с. 355, примеч. 19].

¹³ Ср. предположение, высказанное А.И. Соболевским [17, с. 798].

Первый случай: это указания на использование в произведениях элементов одного и того же стиля, дискурса, определяемого жанровой принадлежностью текста. Второй случай: это доказательства зависимости одного текста от другого. Третий случай: у сопоставляемых текстов действительно один автор. Сами по себе совпадения даже уникальной лексики нисколько не говорят об общем авторе. <...> С точки зрения атрибуции более показательным может быть или высокочастотное (а не единичное!) использование одних и тех же раритетных лексем в сопоставляемых произведениях, или совпадение в них более значительных отрезков текста (словосочетаний, предложений). Еще более релевантным может быть тождество редких выражений, используемых в одной и той же художественной функции (например, метафорической). Нужно, однако, помнить, что даже такого рода повторения могут являться не признаками авторского стиля, а результатами заимствования. Причем такого рода масштабные заимствования не совсем чужды и литературе Нового времени. Тем более многочисленны они в древнерусской словесности, ориентировавшейся на принцип так называемой “открытой традиции”. Границы между “чужим” и “своим” словом в древнерусской книжности могут быть подвижными <...> Словарь писателя, характеризующий, в терминах лингвистики, его идиолект, как правило, не является его личным достоянием, тем более в случае с такой традиционалистской словесностью, как древнерусская» [13, с. 166].

Если исходить из совпадения выражения в двух или более текстах как критерия принадлежности одному автору, то и упомянутую гомилию на день памяти Вифлеемских младенцев и Сказание о Борисе и Глебе можно было бы приписать одному лицу, если бы такая атрибуция радикально не противоречила другим данным.

Подбор библейских цитат и ветхозаветных параллелей в «летописных» паремийных чтениях отнюдь не свидетельствует о мастерстве их составителя. В третью паремию введены две цитаты из Книги пророка Исаии и реминисценция из Екклесиаста: «Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаються съгрѣшения; аще ли лукави бывають, то больше зло навѣдитъ Богъ на землю ту, понеже глава т.е. земли, – тако бо Исая рече: “съгрѣшиша отъ главы и до ногу, еже отъ цесаря до простыхъ люди” [Ис. 1: 6]. <“> Лютѣ и граду тому, в иѣмъ же князь унѣ <”> [Ек. 10: 16], любяи вино пити с гусльми и съ молодыми свѣтъники. Сяковыя бо Богъ даеъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь:

отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополкѣ наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха. Исаия бо глаголетъ: “отъимить Господь отъ Иерусалима крѣпость и крѣпка исполина (в рукописи описка: исполнена. – *A.P.*), и челоуѣка храбра, и судию, и пророка, и дивна свѣтника, и смѣрена старца, и мудра хытреца, и разумна послушника; и поставлю уношу князя имъ, и ругатели обладають ими <”> [Ис. 3: 1–4]» [3, с. 119, л. 250]. Упоминание о юности князя в цитате из Екклесиаста и во второй цитате из Исаии никак не соотносится со Святополком, который был старшим среди сыновей Владимира. К тому же обе цитаты фактически дублируют друг друга, так как их смысл в главном тождественен.

Не менее показательна параллель между Святополком и Ламехом (здесь он смешан с Авимелехом¹⁴) в конце третьей паремии: «Сѣи же Святопѣлкѣ новый Ламѣхъ бысть, иже сѣ убо родиль бѣ отъ прѣлюбодѣяннѣ – отъ чѣрнирицѣ, иже изби брѣтѣю свою – сыны Гѣдеонови, послѣди же жена самого уломкомъ жѣрнова уби сѣ города; тако же и сѣ Святопѣлкѣ» [3, с. 121, л. 260 об.]. Конструкция фразы такова, что получается, будто от расстриженной черницы родился тот же Ламех (Авимелех), а не русский братоубийца. Если же отнести это высказывание правильным образом к русскому князю, то в таком случае окажется, что Святополк, а не Ламех (Авимелех) убил сыновей Гедеонов. Проведенная в конце параллель между Святополком и Авимелехом, убитым обломком жернова, сброшенным со стены города Сихема, противоречит фактам: губитель Бориса и Глеба не был убит, тем более не был убит женщиной¹⁵. (Судьбы Авимелеха и Святополка, конечно, сближает мотив возмездия за убийство братьев, однако это очень отдаленное

¹⁴ История Авимелеха рассказывается в ветхозаветной Книге Судей (8: 31–9: 57). Н.И. Милютенко доказывает, что известия паремийных чтений восходят не непосредственно к библейскому тексту, а к компилятивному Хронографу по великому изложению; см.: [15, с. 124–125]. Утверждение исследовательницы, что Книга Судей «тогда еще не была переведена» [15, с. 124], неверно: ее перевод был осуществлен в Болгарии еще в Симеоновскую эпоху.

¹⁵ Н.И. Милютенко усматривает в параллели Святополк – Авимелех, как и в некоторых других уподоблениях «второго Каина» историческим лицам прошлого в памятниках Борисоглебского цикла, рудимент сообщения о том, что губитель Бориса и Глеба был убит, а не умер своей смертью; см.: [15, с. 124–133, 238–239]. Но даже если это и так, соотносительность Святополка и Авимелеха в паремиях выглядит натянутой.

сходство.) В Повести временных лет под 6523 г. (1019) имеется текстуально совпадающий фрагмент, но без последней несообразности – сообщения о гибели ветхозаветного братоубийцы здесь нет, имя его названо правильно: «Се же Стѣполкъ новии Авимелехъ. иже сѧ бѣ родиль ѿ прелюбодѣяннѧ. иже изби бра́ѹ свою. снѣы Гедеоны. тако и сѧ бы^с» [9, V–I, стб. 146, л. 49 об.] (текст по Лаврентьевскому списку)¹⁶.

Для такого искусного автора, как Кирилл Туровский, изъязыны, встречающиеся в паремийных чтениях, совершенно нехарактерны.

К сожалению, С.Ю. Темчин не сопоставляет лингвистические и стилистические особенности этого памятника с языком и стилем произведений туровского книжника. Неясно также, как предложенная им датировка паремийных чтений второй половиной XII века связана с политическими реалиями этого времени. В «летописных» паремиях центральное место занимает мотив победы Ярослава Мудрого над Святополком и помощи князю в этом со стороны новгородцев. (Этому мотиву посвящены вторая и третья паремии – две из трех.) На этом основании Н.И. Милютенко относила составление изначальной версии памятника («Повести о мести Ярослава») к киевскому княжению Ярослава Мудрого, к 1040-м гг. (сами паремии она датировала временем вскоре после 1072 г.)¹⁷. А.А. Гиппиус выдвинул гипотезу, что создание паремий связано с конфликтом между Владимиром Мономахом и новгородцами в 1118–1119 годах и что паремии – своеобразное напоминание им о прежнем союзе с другим князем¹⁸. Атрибуция и датировка, предложенные С.Ю. Темчиным, не соотносят памятник с историческим контекстом, помещают его в «безвоздушное пространство».

Что касается ссылки С.Ю. Темчина на исследование А.И. Соболевского, якобы датирующего «летописные» паремии второй половиной XII века, то она неточна: ученый полагал, что, поскольку «[о]дно из этих чтений (мы пользуемся списком

¹⁶ При цитировании буква *аз* йотированный заменяется на литеру *я*.

¹⁷ См.: [15, с. 243–245]. Более широкая датировка «Повести о мести Ярослава» Н.И. Милютенко – «период от середины 1040-х гг. до 1053 г.» [15, с. 242], а паремий – «после 1054 г., а вероятнее всего – вскоре после 1072 г.» [15, с. 246].

¹⁸ См.: [1]. Датировка А.А. Гиппиуса представляется более обоснованной, в том числе с точки зрения текстологии.

XIII века) носит следующее название: “Мѣсяца того же въ 25 память творимъ *новоявленную* мученику Бориса и Глѣба”: следовательно, оно относится ко времени более или менее близкому к канонизации князей, едва ли позже 2-й половины XII в.» [17, с. 796] (выделено А.И. Соболевским). Таким образом, вторую половину XII столетия исследователь считал всего лишь верхней границей (*terminus post quem*) датировки. Д.И. Абрамович также не утверждал, что паремии написаны именно во второй половине XII века: время их составления – «XII век, не позже 1191 г., когда мощи Бориса и Глеба были перенесены на Смядынь» [3, с. XIX].

Весомых оснований для атрибуции «летописных» паремий Кириллу Туровскому и, соответственно, их датировки второй половиной XII века нет.

Список литературы

1. Гиппиус А.А. «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М.: РГГУ, 2010. Вып. 2. С. 42–71.
2. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 15. С. 331–348.
3. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1916. XXIII, 204 с.
4. Жолковский А.К. Заметки о тексте, подтексте и цитации у Пастернака // Boris Pasternak: Essays / ed. by N.A. Nilsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1976. P. 64–84.
5. Левинтон Г.А. К проблеме литературной цитации // Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Тартуский государственный университет, 1971. С. 52–57.
6. Марчалис Н. Реминисценция, парафраза, цитация: о принципах использования источников в московской полемической литературе XVI века // *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti* (Ohrid, 10–16 settembre 2008) / a cura di A. Alberti, S. Garzonio, N. Marcialis, B. Sulpasso. Firenze: Firenze University Press, 2008. P. 167–178.
7. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 555 с.

8. Невзорова Н.Н. Паримии Борису и Глебу. Опыт прочтения // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 428–452.
9. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова; Л.: Издательство Академии наук СССР; СПб.; М., 1908–2018–. Т. 1–46 (издание продолжается).
10. Ранчин А.М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 21–32.
11. Ранчин А.М. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 512 с.
12. Ранчин А.М. К интерпретации небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу: Образ Святополка Окаянного // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3(81). С. 83–94. DOI: 10.25986/IRI.2020.92.46.007
13. Ранчин А.М. Был ли Кузьмище Киянин автором «Слова о полку Игореве»? // Литературоведческий журнал. 2024. № 3(65). С. 156–175. DOI: 10.31249/litzhur/2024.65.11
14. Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 13–42.
15. Святые князья-мученики Борис и Глеб / исследование и подгот. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2006. 432 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; СПб.: Нестор-История, 1975–2015–. Вып. 1–30 (издание продолжается).
17. Соболевский А.И. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе (По поводу статьи г. Левитского) // Христианское чтение. 1890. № 5–6. С. 791–804.
18. Темчин С.Ю. «Се несть убийство, но сырорезание»: агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа Борисоглебского культа // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф.Б. Успенский. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 216–230.
19. Темчин С.Ю. Исторические паремии св. Борису и Глебу как произведение Кирилла Туровского (вторая половина XII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2022. Вып. 34. С. 242–247.
20. Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.

References

1. Gippius, A.A. “‘Letopisnye’ paremiinye chteniya o Borise i Glebe: istoriya teksta i istoricheskii kontekst” [“‘The Chronicle’s’ Paroemic Readings about Boris and Gleb: Text History and Historical Context”]. *Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and Signs. Studies in the Semiotics of History]. Moscow, RGGU Publ., 2010, vol. 2, pp. 42–71. (In Russ.)
2. Eremin, I.P. “Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo” [“Literary Heritage of Kirill of Turov”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, vol. 15, pp. 331–348. (In Russ.)
3. *Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and Services to Them], ed. D.I. Abramovich. Petrograd, Tipografiya Imperskoi Akademii nauk Publ., 1916, XXIII, 204 p. (In Russ.)
4. Zholkovskii, A.K. “Zametki o tekste, podtekste i tsitatsii u Pasternaka” [“Notes on Text, Subtext, and Citation in Pasternak”]. *Boris Pasternak: Essays*, ed. by N.A. Nilsson. Stockholm, Almqvist & Wiksell international, 1976, pp. 64–84. (In Russ.)
5. Levinton, G.A. “K probleme literaturnoi tsitatsii” [“On the Problem of Literary Citation”]. *Materialy XXVI nauchnoi studencheskoi konferentsii. Literaturovedenie. Lingvistika* [Proceedings of the 26th Scientific Student Conference. Literary Studies. Linguistics]. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1971, pp. 52–57. (In Russ.)
6. Marchalis, N. “Reministsentsiya, parafraza, tsitatsiya: o printsipakh ispol'zovaniya istochnikov v moskovskoi polemicheskoi literature XVI veka” [“Reminiscence, Paraphrase, Citation: on the Principles of Using Sources in Moscow Polemical Literature of the 16th Century”]. *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti (Ohrid, 10–16 settembre 2008)*, a cura di A. Alberti, S. Garzonio, N. Marcialis, B. Sulpasso. Firenze, Firenze University Press, 2008, pp. 167–178. (In Russ.)
7. Nasonov, A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [History of Russian Chronicling from the 11th – Early 18th Centuries. Essays and Research]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 555 p. (In Russ.)
8. Nevzorova, N.N. “Parimii Borisu i Glebu. Opyt prochteniya” [Paremiias of Boris and Gleb. A Reading Experience]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, vol. 56, pp. 428–452. (In Russ.)

9. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St Petersburg, Moscow, 1908–2018–, vols. 1–46 (continued). (In Russ.)
10. Ranchin, A.M. “O topike v drevnerusskoi slovesnosti: k probleme razgranicheniya toposov i tsitat” [“On the Topic in Old Russian Literature. Towards the Problem of Distinguishing Topoi and Quotations”]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3, 2012, pp. 21–32. (In Russ.)
11. Ranchin, A.M. *Pamyatniki Borisoglebskogo tsikla: tekstologiya, poetika, religiozno-kul'turnyi kontekst* [Monuments of the Borisoglebsk Cycle. Textual Criticism, Poetics, Religious and Cultural Context]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017, 512 p. (In Russ.)
12. Ranchin, A.M. “K interpretatsii nebibliskikh paremiinykh chtenii Borisu i Glebu: Obraz Svyatopolka Okayannogo” [“On the Interpretation of Non-Biblical Paroemia Readings to Boris and Gleb. The Image of Svyatopolk the Accursed”]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3(81), 2020, pp. 83–94. (In Russ.) DOI: 10.25986/IRI.2020.92.46.007
13. Ranchin, A.M. “Byl li Kuz'mishche Kiyanin avtorom Slova o polku Igoreve?” [“Was Kuzmishche Kiyanin the Author of *The Tale of Igor's Campaign*?”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(65), 2024, pp. 156–175. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2024.65.11
14. Ronen, O. “Leksicheskii povtor, podtekst i smysl v poehtike Osipa Mandel'shtama” [“Lexical Repetition, Subtext, and Meaning in the Poetics of Osip Mandelstam”]. *Poehtika Osipa Mandel'shtama* [The Poetics of Osip Mandelstam], St Petersburg, Giperion Publ., 2002, pp. 13–42. (In Russ.)
15. *Svyatyte knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb* [Holy Princes-Martyrs Boris and Gleb], research and preparation of texts by N.I. Milyutenko. St Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2006, 432 c.
16. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language 11th – 17th Centuries] Moscow, Nauka Publ., St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–2015–, issues 1–30 (continued). (In Russ.)
17. Sobolevskii, A.I. “‘Pamyat' i pokhvala' sv. Vladimiru i ‘Skazanie' o svv. Borise i Glebe (Po povodu stat'i g. Levitskogo)’” [“‘Memory and Praise' of St. Vladimir and the ‘Tale' of Sts. Boris and Gleb (Regarding Mr. Levitsky's Article)’”]. *Khristianskoe chtenie*, no. 5–6, 1890, pp. 791–804. (In Russ.)
18. Temchin, S. Yu. “‘Se nest' ubiistvo, no syrorezanie’: agiograficheskii obraz Vifleemskikh mladentsev kak kontseptual'naya osnova Borisoglebskogo kul'ta” [“‘It is Not Murder, It is Flaying’: The Hagiographic Image of the Bethlehem Babies as the Conceptual Basis of the Boris and Gleb Cult”]. *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury* [Name Book. History of Language. History of Culture], ed. F.B. Uspenskii. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 216–230. (In Russ.)

19. Temchin, S. Yu. “Istoricheskie parem’i sv. Borisu i Glebu kak proizvedenie Kirilla Turovskogo (vtoraya polovina XII v.)” [“Historical Paremmas of St. Boris and Gleb as a Work by Kirill of Turov (Second Half of the 12th Century)”]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov’e*. Moscow, IVI RAN Publ., 2022, issue 34, pp. 242–247. (In Russ.)
20. Uspenskii, B.A. *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [*Boris and Gleb. Perception of History in Ancient Rus*]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, 128 p. (In Russ.)